

Петров пост

Через 7 дней после праздника Троицы (Пятидесятницы) начинается Петров или Апостольский пост.

Установление Петрова поста – раньше его называли постом Пятидесятницы – относится к самым первым временам Православной Церкви. Особенно он утвердился, когда в Константинополе и Риме святым равноапостольным Константином Великим были воздвигнуты храмы в честь святых первоверховных апостолов Петра и Павла.

Освящение константинопольского храма совершилось в день памяти апостолов 29 июня (по старому стилю; т.е. 12 июля по новому), и с тех пор этот день стал особенно торжественным и на Востоке, и на Западе. Это день окончания поста. Начальная же его граница подвижна: она зависит от дня празднования Пасхи; поэтому продолжительность поста варьируется от 6 недель до недели и одного дня.

В народе Петров пост звали просто «петровки» или «петровка-голодовка»: в начале лета от прошлого урожая уже мало что оставалось, а до нового еще далеко. Но почему же пост все-таки Петровский?

Почему Апостольский понятно: апостолы всегда приготавливали себя к службе постом и молитвой (на вопрос учеников, почему они не могут изгнать бесов, Господь объяснил им, что сей род выходит только молитвой и постом), и поэтому Церковь призывает нас к этому летнему посту по примеру тех, кто, приняв Святого Духа в день Св. Троицы (Пятидесятницы), «в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте» готовились ко всемирной проповеди Евангелия. А именовать пост «петропавловским» просто неудобно – слишком громоздко; так уж получилось, что называя имена апостолов, мы произносим имя Петра первым.

разжигавший в себе ненависть к христианам и выпросивший у синедриона разрешение преследовать христиан повсюду и приводить в Иерусалим связанными. Петр, маловерный, трижды отрекшийся от Христа, но сокрушенно покаявшийся и ставший началом Православия, основанием Церкви.

И Павел, яростно сопротивлявшийся правде Господней, а после столь же пламенно уверовавший.

Вдохновенный простец и неистовый оратор, Петр и Павел олицетворяют собой духовную твердость и разум – два столь необходимых миссионерских качества. Ведь чем, как ни призывом к миссионерству, должен откликаться в нас приход Петровского, т.е. Апостоль-

...Ведь чем, как ни призывом к миссионерству, должен откликаться в нас приход Петровского, т.е. Апостольского поста?

Святые апостолы были такими разными: Петр, старший брат апостола Андрея Первозванного, был простым, необразованным, бедным рыбаком; Павел – сын богатых и знатных родителей, римский гражданин, ученик известного иудейского законоучителя Гамалиила, «книжник и фарисей». Петр – верный ученик Христа с самого начала, свидетель всех событий Его жизни с момента выхода на проповедь.

Павел – злейший враг Христов,

ского поста? Господь послал в мир апостолов для того, чтобы учить все народы: «Итак идите, научите все народы... уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф. 28, 19; 20).

www.pravmir.ru

Евангельское чтение

О первых и последних (Мф. 10:32-33, 37-38; 19:27-30)

Итак всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным.

Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня.

Тогда Петр, отвечая, сказал Ему: вот, мы оставили все и последовали за Тобою; что же будет нам?

Иисус же сказал им: истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, – в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых.

И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную.

Многие же будут первые последними, и последние первыми.

Проповедь на Евангельское чтение

Митрополит Антоний Сурожский

Матерь Божия и все святые, память которых мы сегодня празднуем, те, которые известны нам, потому что Бог открыл их нам, и потому что они были поняты и узнаны или своими современниками, или иногда годы или столетия спустя – все святые являются ответом земли на любовь Божию. И это не только их личный ответ за самих себя, но и от лица всей твари, и от нашего лица также; потому что каждый из нас имеет поистине честь называться одним из их имен, нашим христианским именем, именем одного из этих святых. И эти святые, чьи имена переданы нам, стоят перед Богом и молятся, чтобы не обесчестилось их имя в очах Божиих.

Святые Божии в своей любви, в своем предстательстве, в своей молитве, в своем реальном, неотступном присутствии как бы держат и охватывают все творение. Как дивно, что мы принадлежим к этой неисчислимой семье мужчин, женщин, детей, которые поняли, что замыслил Господь, когда Он пришел, жил, и учил, и умер за нас! Они откликнулись всем своим сердцем, они открылись всем своим умом, они поняли Его замысел и приняли Его весть со всей решимостью преодолеть в самих себе все, что было причиной Распятия; потому что если бы и один человек на земле отбился, отпал от Бога, Христос пришел бы спасти его ценой собственной жизни.

Это Его собственное свидетельство: один подвижник ранних веков молился, чтобы Бог покарал грешников; и Христос явился ему и сказал: Никогда так не молись! Если бы и один человек на земле согрешил, Я пришел бы умереть за него...

Святые – это люди, которые ответили любовью на любовь, люди, которые поняли, что если кто-то умирает за них, то единственный ответ благодарности – это стать такими, чтобы смерть его не была бы напрасной. Взять на себя крест означает именно это: отвернуться от всего, что убивает и распинает Христа, от всего, что окружало – и окружает! – Христа ненавистью и непониманием. И нам это сделать легче, чем тем, которые жили в Его время, потому что в те дни они могли в Нем оши-

ответить благодарностью и решимостью. И тогда, если мы принесем Богу это малое – нашу благодарность и нашу добрую волю – сила, чтобы и нам тоже вырасти в меру роста, которую задумал, возмечтал для нас Бог, – сила будет от Бога. Как Он сказал: Сила Моя в немощи совершается. Моей благодати тебе достаточно... И Павел, который знал это прибавляет в другом месте: все возможно нам силой Божией, укрепляющей нас... Сомневаться не в чем: все возможно, если только мы дадим Богу спасти нас, понести нас от земли на небо.

Давайте же начнем заново, так, чтобы святые, чьи имена мы носим, радовались о нас, чтобы Матерь Божия, Которая отдала Своего Сына на смерть, дабы мы могли

Святые – это люди, которые ответили любовью на любовь, люди, которые поняли, что если кто-то умирает за них, то единственный ответ благодарности – это стать такими, чтобы смерть его не была бы напрасной.

биться; но в наши дни, две тысячи лет спустя, когда мы читаем Евангелие и встает в этом рассказе вся мера роста Христова и Его личность, когда у нас есть миллионы свидетелей, которые говорят нам, что Он подлинно отдал Свою жизнь за нас, и что единственное, чем мы можем отозваться, это отдать жизнь друг за друга ради Него – как можно нам не отозваться?!

Поэтому в этот сегодняшний день примем новое решение: внимать, как они, всем сердцем, всем умом, всей волей, всем существом, чтобы видеть, что случается, чтобы слышать, что Он говорит, – и

отозваться, могли понять, могли спастись, радовалась о нас, и чтобы Христос видел, что не напрасно Он жил, учил и умирал. Будем Его славой, будем светом; это может быть малый огонек, как малая свеча, это может быть свет, блистающий подобно великим святым, – **но будем светом, просвещающим мир и делающим его менее темным! Будем радостью, чтобы и другие могли научиться радоваться о Господе!**

www.verav.ru

Плач по умершему

Архимандрит Савва (Мажуко)

Старые люди не боялись боли. Они ее не искали, но уж если надо было что-то испытать, вынести, пережить, шли спокойно, с достоинством. Не прятались. И перед смертью не робели. Говорили о ней без страха. «Вы меня глубоко не закапывайте. Как Господь позовет, чтоб я с могилы встала, отряхнулась и на Суд пошла». Так одна старушка говорила. Из глухой белорусской деревни. А моя бабушка повторяла гомельское присловье: «Помирать – день терять».

А чего смерти бояться? Все умрем. Столько хороших людей уже умерло, что и нам не грех в могилу лечь.

Комфорт и безопасность изменили нас. Порог боли и чувствительности современного человека сильно отличает нас от наших даже ближайших предков, и в этом нет ничего плохого, я и сам каждое утро восхищаюсь чудом горячей воды и благодарю Бога за свет и тепло. Но мы другие. Защитив себя и обезопасив жизни свои, кое в чем мы сделались более уязвимыми, а порой и беззащитными. Факт смертности – нашей и наших близких – мы теперь переносим куда тяжелее и болезненней, нежели наши прадеды.

В старину человека с детства приучали к мысли, что ему придется похоронить родителей. И молодые люди знали, что доведется не просто переживать утрату родителей, но именно – похоронить и сделать это красиво и правильно. А еще было чудесное слово «досмотреть», и достоинство детей оценивалось по тому, как они утешают своих умирающих близких, как успокаивают их угасающую старость. Подумайте: с детства к этому готовили. Не боялись детей испугать или шокировать. Как готовили? Говорили о смерти

спокойно, как о чем-то естественном, не смягчая ее трагичности, не врали себе и детям, не прятались от нее. Старики собирали себе на смерть, готовили рубахи и платки – в чем в гроб положат, не боялись часто причащаться, не пугались писать завещаний и – плакали, конечно же, плакали – как же без этого? Кому же охота помирать? Столько дел! Столько работы! Но плач этот был правильным, он разрешался в особый ритуал, обряд – горе избывалось, обряжаясь в погребальные обычаи и традиции.

И не только к смерти родителей готовили от юности. Муж и жена – скорее всего кто-то пойдет к Богу раньше, и уже во время венчания люди учились разлуке. Не ведая того, наши предки приучали своих детей к одному из самых изящных духовных упражнений. Покойный Сенекка, наставник умирения, советовал своим ученикам: «Нам надо постоянно думать о том, что смертны и мы и любимые нами». Пребывать в памяти смертной. «Человек начинается с плача по умершему». Так говорил покойный Мераб Мамардашвили. Однако «плач по умершему» это не просто красивый образ или стерильное духовное упражнение. У нас есть религия. Она учит нас правильному плачу по умершему, целительному плачу. Когда я только начинал служить священником, меня всегда смущали наши белорусские похороны: «профессиональные» плакальщицы, сложнейшие и разнообразнейшие ритуалы, особый панихидный распев и завывательная манера исполнять песнопения и потребность на грани одержимости «адправить пакойника» (помолиться за покойного) «як след» (как положено). ►

Потом я понял, как же важен этот вой, эти эпические слезы, «лишние» обряды. Это Белоруссия. Здесь было так много горя. В войну белорусы потеряли каждого четвертого, и, может быть, перенести нам все эти беды и помогла способность хоронить, «как положено». Не надо льстить себе: мы всего лишь люди – сколько бы вы не знали языков, какую бы изысканную литературу не читали, горе и боль, слезы и утраты у нас у всех – человеческие. И эту боль надо уметь выплакать, провыть, прокричать.

Смерть – всегда не вовремя. Смерть застает нас врасплох. И нам нужно не только умом, но и самой кожей избыть это горе. Даже распоследние материалисты это, если не понимали, то чувствовали, избредая гражданские панихиды и пресные

предстоит проводить своих родителей в последний путь, и сделать он это должен «как следует». Религия есть некая культурная оформленность предельного человеческого опыта. Она дает не просто некий эмоциональный антидот, противостояние от чрезмерного потрясения, сознания необратимости, но само исполнение ритуала избывает скорбь, потому что кричим мы, плачемся Богу-Человеколюбцу, Утешителю сирот и смертников.

И Он не дает нам ответов, как и пытливого Иова Он не уговорил, а только утешил – как? – не знаем ни мы, ни Иов. Дети, выросшие в семьях без подлинной религиозной традиции, более уязвимы, они беззащитны перед смертью, их не приучают с детства правильно переживать и осмыслять смерть и близких, и свою собствен-

...Однако «плач по умершему» это не просто красивый образ или стерильное духовное упражнение. У нас есть религия. Она учит нас правильному плачу по умершему, целительному плачу.

минуты молчания. А в церкви – дым каддила, чтение бесконечных поминальных записок, столы с приношениями и запечатанная земля, и как запоют «Со святыми упокой», подхватит вся церковь этот скорбно-торжественный мотив, а потом разрешится в мужественный и трагичный мажор икоса восьмого гласа – «Сам Един еси Бессмертный, сотворивый и создавый человека». Выкричатся нам надо, пропеть, простонать сквозь слезы и благодарную грусть.

Современного человека и, прежде всего, ребенка, подростка со всех сторон ограждают от смерти, от самого факта и упоминания. Но ведь однажды ему

нужно. Наши панихиды, родительские субботы, грозные обряды, кутья, записочки и сорокоусты могут показаться ненужным усложнением, недостойным благородной евангельской истины. Но стоит ли от этого отказываться перед лицом всех наших утрат бывших и – непременно – будущих? А потому, смертнички мои, положу я в кадило побольше ладану и затяну длинную и громкую белорусскую панихиду, чтобы и живые, и мертвые услышали и утешились скорой грядущей встречей.

*Публикуется в сокращении
www.pravmir.ru*

Петров пост – зачем?

Протоиерей Александр Авдюгин

...Лето, отпуск, дача, а для сельчан и труды нелегкие. На угодьях и усадьбах уже урожай, прежде всего фруктов, ягод и овощей, поспел. Какое тут ограничение в еде, усиленная молитва и частое посещение храма Божьего?

Логически, кажется, верно, но почему же «петровки» (так в простонародье Петров пост называли и называют) свято нашими предками чтились и соблюдались? Трудились меньше? Отнюдь нет. Намного больше и тяжелей. Грешили чаще? Тут и отвечать не надо, свойство греха с каждым поколением преумножаться никуда не делось. Мы прекрасно видим и знаем, что многие дела и поступки, которые раньше считались низменными, пошлыми и откровенным святотатством сегодня возводятся в ранг обычности и даже достижения.

Иное руководство к стремлению

соблюдать апостольский пост присутствовало: сознание того, что только тогда труды с заботами во благо пойдут, когда в тебе внутреннее содержание с внешним состоянием в симфонии пребывать будут.

В бытность мою на сельском приходе зашел я как-то домой к прихожанам своим, это аккурат в неделю перед праздником Петра и Павла было. В доме никого, в летней кухне тоже пусто, хотя на печи большая кастрюля с водой греется, даже собака куда-то пропала, не лает. Странно, – подумалось, – может, случилось что?

Слава Богу, с семейством было все в порядке, просто они все в саду вишни рвали. Урожай в тот год хороший был, ветки просто облеплены красными пучками ягод. Даже «шпаков», так в селе скворцов зовут, страстных любителей полакомиться зреющими вишнями, не гоняли.

На всех хватало. Услышал я голоса из сада, понял, что никакой беды не произошло, и решил помочь семейству. Хозяйка, Никандровна, мне на пояс широкий плат повязала, да так, чтобы впереди он как сумка был, в которую ягоды надобно складывать. Ведро ведь за собой таскать неудобно, а самая спелая, вкусная и рясная вишня вверху, без лестницы никак не доберешься. Лазить же по деревьям с моей комплекцией, да еще и с ведром или банкой не то, что неловко, но и опасно, как для меня, так и для вишни.

Взобрался я на дерево к пучкам вишневым, собираю ягодный урожай, а сам весь в ностальгии и воспоминаниях. Детские летние дни в таких же садах прошли...

Назад в будущее, то бишь, в настоящее, разговор вернул. Муж Никандровны взрослого сына уму-разуму учил:

– Вот видишь, остолопина, мы с матерью и дочкой уже по два ведра нарвали, а ты три жмени всего – и на вареники не хватит.

Сын, в ответ на отцовские замечания, резко срывал плоды, да хмуро под нос что-то бурчал. Разобрал я лишь то, что жалуется парень на ночь короткую. Не выспался он.

– Когда же тебе спать, – резюмировал отец. – С клуба и гулянки своей уже за светло вернулся. Знал ведь, что утром на вишню пойдем... Вишь, сколько ее Господь благословил.

Понравилась мне хозяйская речь. Нет, не потому, что сына распекал. Дело молодое, понятно все, сам таким был. Оттого

на сердце слова легли, что в них вся сущность необходимости поста раскрывалась. Если дело делать собрался, то развлеченная в сторонке оставить надобно и приготовиться к совершению задуманного, а также Бога поблагодарить, что Он такой урожай дал. А разве не вмещает в себе пост Петровский все эти условия? В стороне праздничные пасхальные и Троицкие дни, впереди труды, чтобы до следующего урожая прожить, да и без Божьей помощи все наши задумки и старания по поговорке определяются: «Без Бога ни до порога».

У апостолов, в те времена, когда они Духа Святого получили, та же ситуация была. Абсолютно аналогичная. Они праздник радости всемирной – Воскресение Христа, праздник утверждения – Вознесение Господне и праздник рождения Святой Церкви – Пятидесятницу с радостью и ликованием пережили, но теперь надобно было дело делать, то, которое Господь заповедал: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Для этого нужны и духовные, и физические силы. Вот, по этой-то причине и установлен неизменный обычай (сегодня это уставное правило) – после святых и радостных дней проходить поприще поста.

Богу угоден не наш пост, а плоды поста. Но получить эти плоды грешному человеку без ограничения своих телесных требований и греховных желаний никак не удастся.

www.pravmir.ru

**Подготовлено совместно
с Синодальным информационным отделом
Русской Православной Церкви**

«Православие и мир» — ежедневно о том,
как быть православным христианином сегодня.

Редакторы: *Мария Абушкина, Анна Данилова*
Корректор: *Екатерина Сысина*
Макет, верстка: *Сергей Амиантов*
Художник: *Наталья Сажина*

Адрес в интернете: www.pravmir.ru
Электронная почта: gazeta@pravmir.ru